

КОНКУБИНАТ В СИСТЕМЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ ОСЕТИН В КОНЦЕ XVIII – XIX В.

Т.Т. Дауева

Статья посвящена исследованию практики двоеженства в традиционной модели семейной организации Осетии. Исследование охватывает период с середины XVIII по XIX в. Анализ специфики внедрения в семейное пространство новаций российского права позволяет представить процесс перехода от традиционных норм обычно-правовой культуры осетин и формирование нового правового сознания. В данном исследовании предложен структурно-функциональный анализ института вторых жен (номылус) в осетинском социуме. Целью исследования является анализ семейно-брачного права осетин, отдельные аспекты которого раскрывают социальное происхождение женщин-номылус, их положение в семье, наследственные права. Впервые объектом исследования становится институт двоеженства, а также последствия, которые имели место после административных мер по борьбе с двоеженством. При этом процесс искоренения института номылус проанализирован на примере нескольких кейсов из семейной практики. Рассматривается деятельность российской администрации, которая в условиях реализации положений крестьянской реформы 1861 г. признавала конкубинат незаконным и освобождала жен-номылус и их детей как представителей несвободного сословия, признавая их вольноотпущенными. Раскрываются особенности бракосочетаний и бракоразводного процесса со второй женой (номылус). Определяются конкретные факторы дифференциации статуса жены-номылус и главной жены, в числе которых хозяйственные, имущественные и т.д. Исследована экономическая сторона заключения конкубината. Результаты работы имеют значение для понимания трансформационных процессов, затронувших все сферы осетинского социума в XIX в. и отразившихся в том числе в способах и формах регламентации брачно-семейных отношений.

Ключевые слова: осетины, патриархальная семья, конкубинат, адат, калым.

В осетинской патриархальной семье дореформенного периода женщины представляли несколько категорий – жены либо главные (законные) жены, вторые жены – *номылус* и кусаги – рабыни. Социальное положение *номылус* вызывает у некоторых исследователей представление о них как о рабынях. Однако специфика социально-правового статуса второй жены (*номылус*) указывает на ряд особенностей этого института. К исследованию привлечены материалы архивных фондов, законодательные акты и судебная практика соответствующего периода. В частности, выполнен обзор судебных разбирательств о женщинах-*номылус*,

незаконно проданных в холопское сословие. Наиболее полным источником по традициям обычно-права осетин относительно брака и семьи является сборник адатов под редакцией Ф.И. Леонтовича, который также привлечен для исследования в качестве дополнительного источникового материала.

Историю полигамной формы брака можно проследить с родоплеменной эпохи. Полигамия была характерна для всех известных племенных обществ, и вполне обычным явлением было наличие нескольких жен у сильного охотника или воина. Как указывают исследователи, у некоторых народов полигамия со-

хранилась и при переходе к классовому обществу. Для привилегированной верхушки многоженство было характерным явлением и существовало в той или иной форме. Свидетельством этого служат судебники, путевые заметки, исторические документы. Например, статьи 97-99 Пространной редакции Русской Правды указывают на дифференциацию наследственных прав между детьми от жены и наложницы, которым вместе с матерью после смерти феодала предоставляется свобода [1, 71]. В статье 280 Соборного уложения 1649 г. призывалось не признавать законнорожденными детей от наложниц, то есть детей от невенчанной жены, а также полностью отстранить их от наследования отцовского имения [2].

В подтверждение того факта, что двоеженство разрешалось только представителям высших сословий в Осетии, можно привести сведения о знатных фамилиях Тагаурского общества. Согласно информации, фамилия Дзантиевых стала 11-й фамилией тагаурских уазданлагов, так как она владела аулами, а также имела право владеть кавдасардами [3, 11]. Еще одним фактом служит адат в записях 1844 г., в котором говорится, что представитель свободного крестьянского сословия, фарсаглаг, не имеет права владеть кавдасардом [3, 14].

Некоторые исследователи сословной структуры осетинского общества поднимают вопрос о причинах, обусловивших существование института двоеженства. Одной из наиболее распространенных причин конкубината являлось желание иметь мужское потомство. В случаях, когда главная жена была бездетна либо рожала только девочек, жена-номылус могла обеспечить появление наследников [4, 278-279] «У дигорцев общий обряд – если кто имеет хорошую жену, которая не родит, то он берет другую с уплатой калыма» [3, 37]. Источниковый материал указывает на тот факт, что это не имело

повсеместного распространения – как известно, род покойника может быть продолжен только сыном его законной жены. В наследственном праве осетин, согласно списку Норденстренга 1844 г., кавдасарды имеют право владеть землей, приобретенной покупкой или полученной по наследству от их родственников [5, 24]. В Нарском обществе допускалось наследование отцовского имущества детьми номылус в случае, когда главная жена бездетна или имеет дочерей. Адат Куртатинского общества указывает: «Если все члены уазданлагской фамилии умерли и род этот совсем пресекся, то кавдасарды, принадлежащие этой фамилии, разделяют между собой все оставшееся после этой фамилии имение и делаются фарсаглагами, то есть вольными людьми» [3, 18]. Обратим внимание, что приведенные адаты относятся к середине XIX в., когда уже происходила трансформация семейно-брачного права осетин.

В других обществах Осетии номылус и ее дети не имели права на наследство. Например, адат Дигорского общества, указывает, что в случае исчезновения мужского рода наследство передается дальним наследникам мужского пола, минуя наследниц и кавдасардов [3, 35]. В первую очередь сыновья номылус являлись работниками в хозяйстве отца, так же, как и дочери от жен-номылус – работницами до замужества. При этом, в случае их замужества отец получал за них калым.

Д.Я. Лавров видел в институте номылус влияние ислама [6, 41]. Однако на существование обычая многоженства аланских аристократов еще в начале X в. обратил внимание архиепископ Алании Петр. В письме патриарху Византии Николай Мистик, разъясняя изложенные затруднения о водворении христианских нравов в семейный быт новообращенных алан, пишет, что ввиду сложности перехода от языческой жизни к строгой христианской нужно действовать отече-

ским убеждением, допускать строгость в отношении простых людей, но соблюдать осторожность в отношении людей знатных и властных, чтобы не отвратить от христианства. Патриарх позволяет послабления в отношении незаконных браков аристократов, уже издавна живущих в таких браках [7, 4-5]. А. Шегрен отмечал, что каждый осетин, имеет одну только законную жену, прочие, купленные дешевле от 70 до 120 руб. серебром у родителей, или пленные, купленные у хозяина, считаются у мужа работницами, с тем, что прижитые от них дети остаются в полной власти отца. Он охарактеризовал институт номылул следующим образом: «...Экономическая система, собственным иждивением увеличивать число рабочих и семейство, в большей моде между осетинскими старшинами; многие, будучи не в силах покупать двух, трёх жён и содержать их, или уплатить большой калым, требуемый за законную жену, покупают такими средствами жену подставную, дарящую мужа в одно время и сыном и крестьянином, т.е. кавдасардом» [8]. По понятиям осетина, всякая женщина, принятая им в дом и удостоившаяся чести быть его наложницею, поступает уже в список работниц, а дети её в кавдасарды». Действительно, адат подтверждает данный факт: «Номылул исполняется все требования домовладельца или того лица, за которым она именуется» [3, 68]. Корни этого института Ф.Х. Гутнов и Б.В. Скитский искали в раннеклассовом обществе, а причину распространения видели в нехватке рабочих рук в хозяйстве феодалов [9, 74; 10, 14]. Цены на рабов на протяжении всего средневековья оставались очень высокими, к тому же использование рабского труда в хозяйстве горцев было затруднительным и почти не практиковалось [9, 120]. В.С. Газданова также видит причину возникновения института номылул в «ограниченной возможности воспроизводства холопов» [11, 117]. К. Кулов считал, что двоеженство появилось в

период парного брака, постепенно трансформировавшись в феодальном обществе и став формой эксплуатации крестьян [12, 3-32]. М. Ковалевский выделял существенные различия в юридическом положении номылул по принадлежности к мусульманскому или христианскому обществу. Главная особенность мусульманских обществ в том, что номылул имеет статус жены, хоть и не старшей, главной, в то время для христианских обществ характерное ей полное бесправие и положение в семье ученый сравнивает с положением наложницы в Европе [4, 234-235]. Однако источники по обычному праву позволяют нам отметить факт наличия у номылул (в отличие от наложницы) прав, регулируемых адатом. В первую очередь номылул во всех обществах Осетии имела право на содержание. В случае смерти ее мужа его наследники не выгоняли ее из дома, а обязывались содержать. Речь не шла о выделении ей части имущества, доли в наследовании, как и для всей остальной женской части семьи: патриархальный тип семейной организации не предполагал наследование по женской линии.

С точки зрения адата, номылул попадала в семью путем вступления в брак. Брак заключался после свадьбы с главной женой, либо после ее смерти. Историк Р.С. Бзаров указывает, что мужчина также мог взять в жены номылул до официального заключения брака с главной женой [13, 46]. Например, известны случаи, когда за 8-10 летнего мальчика выдавали замуж 20-летнюю девушку; по достижении брачного возраста, он женился вторично соответственно возрасту и сословному статусу, а первая жена оставалась работницей в домашнем хозяйстве. Как указывают некоторые этнографические записки современников, причиной согласия родных девушки на такой брак было желание получить калым [14].

Заключение брака предполагало соблюдение определенных элементов сва-

дебной обрядности – сватовство, выплата калыма. Конечно, свадебный церемониал в этом случае был значительно упрощен или отсутствовал вовсе. Так, описывая традиции во время поездки в Южную Осетию, путешественник В. Переваленко дает нам точную информацию: «Свадьба или бракосочетание совершается по обряду нашей церкви, если это только первая жена, но если он женится на второй или третьей, имея в живых первую, то тут уже нет никаких обрядов, – жена по выплате ирада (выкупа) поступает во власть мужа без особенных церемоний» [15]. Номылус «брали в жены» путем согласия ее родителей и выплаты им калыма, что делало брак официально заключенным. Правовое оформление брака было непременным условием, как, впрочем, и брака с главной женой, и заключалось в выплате калыма родственникам невесты. Число номылус адатом не ограничивалось, и скорее всего, зависело от благосостояния мужчины: «женатый уже на одной жене может взять несколько других, но последние суть как бы служанки...», сказано в адате [3, 7]. Мужчина был вправе иметь несколько жен, хотя женщина-номылус была обязана хранить верность одному единственному мужчине. Причем если у супруга сохранялось право на «дополнительную» жену, то у главной жены, как и у номылус, оно исключалось.

В брачно-семейных обычаях имеются отдельные пункты регулирования брака с номылус. Строгой регламентации также подвергался вопрос о размере калыма в сравнении с калымом, уплаченным за главную жену. Несмотря на то, что номылус не пользовалась правами жены, обычай требовал уплаты калыма за нее, как и за главную жену, но только в уменьшенном размере. Этот факт сближал ее с главной женой.

Так, адат гласит: ст. 57. номылус берется туземцем из магометан в дом свой за калым, в размере 30 коров, на сумму

250 руб [3, 42]. Для сравнения приведем, что калым за девицу в Тагаурском обществе составлял 100 быков, такой же размер калыма был в Куртатинском обществе, в Алагирском – 38 быков. Согласно сборнику адатов 1866 г., в Тагаурском обществе за девицу платили 420 руб., в Дигорском – 650 руб., у алагирцев – от 200 до 360 руб., за номылус во всех обществах Осетии платили 250 руб. [3, 68].

Помимо уплаты калыма встречались и другие случаи. Существует несколько свидетельств того, когда третейский суд мог отдать подсудимому изнасилованную им девицу в качестве номылус. Приведем пример из статьи Н.С. Мансурова «Обычный суд у осетин»: «...Один алдар, совершивший убийство осетина Алагирского общества и изнасиловавший молодую вдову убитого, должен был давать отчет перед судом и поплатиться штрафом в пользу родственников убитого, состоявшим из нескольких быков, лошадей и баранов, причем изнасилованная женщина, помимо ее воли, была отдана осужденному в качестве “номылус”, т.е. наложницы...» [16].

Номылус обладали определенным правовым статусом, отличным от статуса служанок-гурзиаков. Номылус могла стать лично свободная женщина, т.е. представительница сословия фарсаглагов. Положение женщин номылус в семье было ниже, чем у законной жены. Главная жена, при наличии у мужа номылус, не была первой среди равных, а имела свой особый статус, который не разделяла с ними. Кроме того, знатное происхождение жены гарантировало, что в семье мужа ее положению ничто не будет угрожать. Данный факт подтверждается адатом Дигорского общества: «...высшее сословие Дигории не в праве увольнять своих жен» [3, 32]. Одновременно с этим то обстоятельство, что от номылус ожидалось рождение детей, сближало ее с главной женой.

Одним из преимуществ гипергамного брака было то, что он позволял обходиться без развода даже при наличии явных причин для развода с главной женой. На основании исследования адатов и других источников, можно предположить, что бракоразводный процесс среди знатного сословия осетин отсутствовал вовсе, а вероятные причины развода компенсировались наличием двоеженства, и рождением детей от этого брака. Возможно, что тот бракоразводный процесс, о котором вскользь упоминают исследователи существовал между представителями свободного сословия, а также распространялся на ситуации с номылу. В любом случае, в записях адатов разных лет Осетии говорится, что «кнеки не вправе увольнять своих жен» [3, 37]; «если кто из жен разлюбится, то он увольняет любую, за исключением дворовых» [3, 37].

Подобное уважительное отношение к главной жене в осетинском социуме связано с традициями заключения брака в знатных семьях. Главная жена выбиралась из семьи равного социального положения, поэтому было необходимо провести четкую границу между ней и девушкой незнатного происхождения. «Тагаурские алдары в замужество из фамилий фарсаглаг и кавдасардов никого не брали, равно и не отдавали дочерей за означенные фамилии [5, 38]. По нормам обычного права, конкубинат не разделял сословного положения одной из брачующихся сторон. В подтверждении приведем цитату из «Записки о происхождении личных и поземельных и взаимных отношениях жителей Военно-Осетинского округа. 1860 г.»: «Фарсаглаги, кавдасарды и кумаяки не могли ни за какие отличия получать право на возвышение своего происхождения, т.е. на переход из одного класса в другой» [17, 4-5].

Для нашего исследования интерес представляет также правовой вопрос института номылу и дифференциация

номылу от представительниц несвободного сословия – холопок – *кусаги*. Выделить отличительные особенности холопки и номылу можно по адатам. Так, в адатах 1836 г. холопы находятся в полной зависимости от их владельцев, которые могут делать с ними, что им угодно, продавать и дарить их другому, по одиночке или целыми семьями, и даже умертвить их по произволу, в то время как номылу была убережена от подобных рисков [3, 18]. В следующей статье, касательно номылу четко указано, что «владелец номылу не имеет права продавать ее, так и равно детей ее» [3, 68]. Переход из несвободного сословия в номылу был невозможен, и адат четко дает на это указание, а в случае рождения детей у номылу, они также считались представителями свободного сословия и обычай регулировал их брачно-семейные отношения: «Дочери номылу выдаются замуж или в номылу или же за свободного человека, и калым, уплаченный за нее, поступает в пользу ее владельца». Однако, в случае, если «Дочь номылу вышедшая добровольно замуж за холопа, считается с потомством своим холопского происхождения» [3, 25].

Кроме того, о гурзиаках сказано, что они «приравниваются к предметно-вещественным факторам производства» [5, 121]. Это подтверждает судебное разбирательство 1867 г. Гиссо Цаболов отдал свою сестру Зараду в номылу поручику Николаю Казбеку, который «обратил ее в холопки» и подарил Бибо Борукаеву в виде вознаграждения. Решение суда было следующим: во-первых, так как Зарада Цаболова – женщина свободного происхождения, во-вторых, она была отдана Казбеку в номылу за калым в размере 150 рублей, то «в обычае народа нельзя передать женщину, взятую за калым никому и никогда». Зарада Цаболова по решению суда была освобождена от зависимости безвозмездно [18, 14].

Конечно, с рождением сына или сыновей, при отсутствии детей от главной жены, номылу могла обрести немалую власть, но ее общественный статус в корне отличался от положения главной жены. В праве наследования это также не отразилось. Изучив адаты по вопросу наследования, отметим, что в обычном праве существовало четкое разделение мужского потомства в соответствии со статусом матери: сыновья от главной жены являлись прямыми наследниками – *фыртыта*, дети от номылу назывались незаконнорожденными – *кæвдсардта*.

Номылу располагали определенной правовой защитой. По смерти супруга, номылу, не имеющая детей, оставалась в доме сыновей или братьев умершего; если же у покойного не оставалось наследников, то она переселялась к своему ближайшему родственнику [3, 69].

Подобно законному мужу, владелец номылу при желании мог только отпустить ее от себя, после чего она приобретала право свободно распоряжаться своей судьбой.

Существующий порядок в пореформенный период был нарушен. Обычай трансформировался, и те изменения, которые произошли с институтом номылу, мы можем вынести из различных делопроизводственных документов, таких, например, как рапорты сельских старшин и священников, пояснительные записки, прошения и т.д. В первую очередь отметим, что в середине XIX в. при объяснении значения термина *номылу* начальству указывается, что это женщина свободного сословия, отданная в номылу за калым несколько выше, чем принято отдавать [19, 44].

В нашем распоряжении оказались архивные материалы с середины XIX в., это документы об освобождении женщин – номылу от зависимости и возвращении их в родительский дом. Исследовав акты книги нескольких обществ, мы

пришли к выводу, что жены-номылу встречались не только у представителей фамилий высшего сословия, но и представителей фамилии фарсаглагов – свободного сословия осетин. Этот новшество подтверждается пояснением из документа «Положение об освобождении кавдасардов, разработанное начальником Терской области», датированного 12 марта 1867 г.: «Такого рода браки, совершаемые алдаром и фарсаглагами, как магометанской, так и христианской религий...» [20, 237]. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что в пореформенный период наличие жены-номылу свидетельствовало об экономическом благосостоянии мужчины.

Одним из важнейших источников для исследования структуры и состава осетинской семьи служат посемейные списки Владикавказа. По-прежнему крайне сложно обозначить реальное число браков с наложницами, несмотря на многочисленные упоминания о мужчинах, взявших «вторых жен». Ведь в посемейных списках мусульманских крестьян не указываются имена женщин, возраст, их статус в семье, составители ограничивались лишь указанием общей численности женщин в семье.

Важнейшей трансформацией, на наш взгляд, является существенное улучшение положения детей от такого союза – кавдасардов, которые могли стать законными наследниками отца после его смерти. В случае наличия законных детей преимущество отдавалось им, однако, при отсутствии законных наследников, дети от конкубината рассматривались как дееспособные наследники. Кавдасарды по-прежнему могли испытывать определенную дискриминацию, однако их имущественные права совпадали с сыновьями главной жены. Приведем пример из источников нотариальных документов. «Я нижеподписавшийся по добровольному соглашению теперь же не только освобождаю безус-

ловно кавдасарда моего Айдаруко 30 лет прижитого мною с номылуской моею Диге, но делаю его своим наследником и усыновляю с его женою Саги 18 лет, на правах родного сына на все движимое и недвижимое собственно мне принадлежащее имущество, как родовое, так и на благоприобретенное, так как у меня нет кроме него детей с тем, однако же чтобы при разделе с братом моим, с которым в настоящее время живу вместе я бы имел право сделать какой-либо подарок из своей доли имения брату моему или его сыновьям; причем Айдаруко с женой обязаны почитать и уважать меня как отца, а жену мою как мать и в случае моей смерти они должны не оставлять мою жену, которая если пожелает жить с ними, обязаны содержать ее как мать свою до самой смерти; если же после этого условия у меня родится сын, то в таком случае он должен иметь право на равную с Айдаруко часть моего имения. Кроме всего вышеизложенного Айдаруко не имеет право требовать от меня раздела имения при моей жизни. 1867 год, 21 мая, Эста Калоев» [21, 114].

В пореформенный период неизменными оставались положения о том, что, во-первых, брак с номылус признавался полноценным браком; во-вторых, это был социально-неравный брак, заключенный между мужчиной из высшего сословия и женщиной из свободного сословия. Так, опираясь на информацию из источников, данный вид отношений встречался только среди зажиточных семей высшего сословия; в-третьих, дети от такого брака не являлись полноценными наследниками.

Если появление номылус в доме было самым обычным явлением, то российская администрация, отменяя данный институт, как противоречащий христианским канонам, считала его «символом морального разложения». В связи с подготовкой крестьянской реформы и освобождением

зависимых сословий в различные учреждения российской администрации поступали заявления о свободном происхождении незаконно закабаленных, в том числе и женщин. Официально было принято положение, в котором предпринимались шаги по освобождению кавдасардов и кумияков. Отдельные пункты документа касались жен-номылус. Приведем эти пункты: «9. Кумияки и номылусы, достигшие 40-летнего возраста, освобождаются без всякого вознаграждения в пользу владельца; те же, коим менее 40 лет при освобождении своем, возвращают за каждый прослуженный кумиячкою или номылуской год вычитывается из этого калым в действительности, по 10 руб. серебром. 10. Те кумиячки и номылусы, кои по расчету времени заслужили уже свой калым, должны быть освобождены без всякой платы своим хозяевам; в противном случае недослуженная часть этого калыма уплачивается владельцу, или родственниками номылуски или из ее нового калыма, при выходе в замужество, или же, наконец, по взаимному соглашению с владельцами она выслуживает в его доме некоторое число лет (не более 3), с обозначением в условии оплаты за каждый год. Правило это обязательно для кумиячек и номылус, так и семейных кумияк и кавдасардов, за жен которых платился калым владельцем» [20, 241].

В осетинском социуме были выработаны четкие правовые и общественные нормы и предписания относительно статуса жен, женщин – номылус. Это помогло избежать семейных конфликтов и позволяло существовать семейному институту без перебоев, не подрывая общественный порядок.

С течением времени брак с номылус приобретает новые специфические черты и правовые последствия. Как уже было сказано, браки в Осетии совершались исходя из принципа выбора семьи равного социального положения, знатные семьи ценили свой статус, и это об-

условило то, что разница между статусом главной жены и жены-номылус в семье была четко обозначена. Безусловно, статус номылус был ниже положения жены, эта разница была закреплена обычным правом. Однако, учитывая то, что бра-

ки с номылус стали распространенным явлением в высших слоях осетинского общества, в обычном праве некоторые аспекты трансформировались в интересах положения жены – номылус и ее детей – кавдасардов.

1. Законодательство Древней Руси // Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. Т. 1. 432 с.
2. Акты Земских соборов // Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / Отв. ред. А.Г. Маньков. 1985. Т. 3. 512 с.
3. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1883. Вып. II. 396 с.
4. *Ковалевский М.М.* Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). В 2-х т. Владикавказ: Алания, 1995. Т. 1. 342 с.
5. *Гутнов Ф. Х.* Обычное право осетин. Часть I. Адаты Тагаурского общества (список Норденстренга. 1844 г.). Владикавказ, 2012. 167 с.
6. *Лавров Д. Я.* Заметки об Осетии и осетинах // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л.А. Чибиров. Цхинвал: Ирыстон, 1989. Кн. 4. С. 37-99.
7. *Кулаковский Ю.* Христианство у алан // Византийский временник. 1898. № 1. С.1-18.
8. *Шегрен А.* Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Кавказ, 1846. № 27-30.
9. *Гутнов Ф.Х.* Средневековая Осетия. Владикавказ: Ир, 1993. 229 с.
10. *Скитский Б.В.* Очерки по истории осетинского народа. С древнейших времен до 1867 года. Дзауджикау: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1947. 199 с.
11. *Газданова В.С.* Институт номылус в общественной структуре феодальной Осетии // Проблемы этнографии осетин. Владикавказ, 1992. Вып. 2. С. 110-118.
12. *Кулов К.* Матриархат в Осетии. Орджоникидзе: Сев.-Осет. обл. нац. изд-во, 1935. 75 с.
13. *Бзаров Р.С.* Три осетинских общества в середине XIX в. Орджоникидзе: Ир, 1988. 155 с.
14. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. В 7 т. / Сост. Л.А. Чибиров. Цхинвали-Владикавказ, 1981–2014.
15. *Переваленко В.* Поездка в Кударское ущелье // Кавказ. 1849. № 40.
16. *Мансуров Н. С.* Обычный суд у осетин // Каспий. 1894. № 38, 48, 58.
17. «Записки о происхождении личных и поземельных и взаимных отношениях жителей Военно-Осетинского округа. 1860 г.» // НА СОИГСИ. Ф. 16. Д. 26.
18. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 12. Оп. 6. Д. 222.
19. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 79.
20. Хрестоматия по истории Осетии // Под ред. Б.В. Скитского. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1956. Ч. 1. 378 с.
21. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 189.

Daueva, Tamara T. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); tdaueva@mail.ru

CONCUBINAGE IN THE OSSETIANS FAMILY RELATIONS AT THE END OF THE 18TH-19TH CENTURIES.

Keywords: *Ossetians, patriarchal family, customary law, adat, kalym, concubinage.*

The article is devoted to the study of the practice of bigamy in the traditional model of family organization in Ossetia. The study covers the period from the middle of the 18th to the 19th century. An analysis of the specifics of the introduction of Russian law innovations into the family space allows us to imagine the process of transition from the traditional norms of the customary legal culture of Ossetians and the formation of a new legal consciousness. This study proposes a structural and functional analysis of the institution of second wives (*nomylus*) in the Ossetian society. The aim of the study is to analyze the family and marriage law of Ossetians, some aspects of which reveal the social origin of *nomylus* women, their position in the family, and inheritance rights. For the first time, the institution of bigamy becomes the object of research, as well as the consequences that took place after administrative measures against bigamy. At the same time, the process of eradicating the institution of *nomylus* is analyzed on the example of several cases from family practice. The activities of the Russian administration is considered, which, in the context of the implementation of the provisions of the peasant reform of 1861, recognized concubinage as illegal and freed wives-*nomylus* and their children as representatives of the not free estate, recognizing them as freedmen. The features of marriages and divorce proceedings with a second wife (*nomylus*) are revealed. The specific factors of differentiation of the status of the *nomylus* wife and the main wife are determined, including economic, property, etc. The economic side of the conclusion of concubinage is studied. The results of the work are important for understanding the transformational processes that affected all spheres of Ossetian society in the 19th century and reflected, among other things, in the ways and forms of regulation of marriage and family relations.

References

1. Yanin, V.L. (ed.) *Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi* [Legislation of Ancient Rus']. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov. V 9 t.* [Russian legislation of the X-XX centuries. In 9 vols]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1984, vol. 1. 432 p.
2. Mankov, A.G. (ed.) *Akty Zemskikh soborov* [Acts of Zemsky Sobors]. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov. V 9 t.* [Russian legislation of the X-XX centuries.]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1985, vol 3. 512 p.
3. Leontovich, F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [Adats of the Caucasian highlanders. Materials on customary law of the North and East Caucasus]. Odessa, Tip. P.A. Zelenogo, 1883, iss. II. 396 p.
4. Kovalevsky, M.M. *Sovremennyi obychai i drevnii zakon (obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii). V 2-kh t.* [Modern custom and ancient law (Ossetian customary law in historical and comparative coverage). In 2 vols]. Vladikavkaz, Alaniya, 1995, vol. 1. 342 p.
5. Gutnov, F.Kh. *Adaty tagaurskogo obshchestva (spisok Nordenstrenga. 1844 g.)*. [Adats of the Tagaur society (Nordenstreng's list. 1844)]. *Obychnoe pravo osetin* [Ossetian customary law]. Vladikavkaz, 2012, part I. 167 p.
6. Lavrov, D.Ya. *Zametki ob Osetii i osetinakh* [Notes about Ossetia and Ossetians]. *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh*. [Periodical press of the Caucasus about Ossetia and Ossetians]. Tskhinvali, Iryston, 1989, book 4, pp. 37-99.

7. Kulakovskiy, Yu. *Khristianstvo u alan* [Christianity among the Alans]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantina xronika]. 1898, no. 1, pp. 1-18.
8. Sjögren, A. *Religioznye obryady osetin, ingushei i ikh soplemennikov pri raznykh sluchayakh* [Religious ceremonies of Ossetians, Ingush and their tribesmen on different occasions]. *Kavkaz* [Caucasus]. 1846, no. 27-30.
9. Gutnov, F.Kh. *Srednevekovaya Osetiya* [Medieval Ossetia]. Vladikavkaz, Ir, 1993. 229 p.
10. Skitskiy, B.V. *Ocherki po istorii osetinskogo naroda. S drevneishikh vremen do 1867 goda* [Essays on the history of the Ossetian people. From ancient times to 1867]. Dzauzhikau, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1947. 199 p.
11. Gazdanova, V.S. *Institut nomylyus v obshchestvennoi strukture feodal'noi Osetii* [The institute of *nomylyus* in the social structure of feudal Ossetia]. *Problemy etnografii osetin* [Problems of ethnography of Ossetians]. Vladikavkaz, 1992, iss. 2, pp. 110-118.
12. Kulov, K. *Matriarkhat v Osetii* [Matriarchy in Ossetia]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. obl. nats. izd-vo, 1935. 75 p.
13. Bzarov, R.S. *Tri osetinskikh obshchestva v seredine XIX v.* [Three Ossetian societies in the middle of the 19th century]. Ordzhonikidze, Ir, 1988. 155 p.
14. Chibirov, L.A. (comp.). *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh. V 7 t.* [Periodical press of the Caucasus about Ossetia and Ossetians. In 7 vols]. Tskhinvali-Vladikavkaz, 1981-2014.
15. Perevalenko, V. *Poezdka v Kudarskoe ushchel'e* [A trip to the Kudar gorge]. *Kavkaz* [Caucasus]. 1849, no. 40.
16. Mansurov, N.S. *Obychnyi sud u osetin* [Customary court among Ossetians]. *Kaspii* [Caspian]. 1894, no. 38, 48, 58.
17. *Zapiski o proiskhozhdenii lichnykh i pozemel'nykh i vzaimnykh otnosheniyakh zhitelei Voenno-Osetinskogo okruga. 1860 g.* [Notes on the origin of personal and land and mutual relations of the inhabitants of the Military Ossetian District. 1860] *Nauchnyi arkhiv SOIGSI* [Scientific archive of NOIHSS]. Fund.16. Case. 26.
18. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya* (TsGA RSO-A) [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (CSA RNO-A)]. Fund 12. Inventory 6. Case 222.
19. TsGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 12. Inventory 6. Case 79.
20. Skitskiy, B.V. (ed.) *Khrestomatiya po istorii Osetii* [Reader on the history of Ossetia]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1956, part 1. 378 p.
21. TsGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 12. Inventory 6. Case 189.